

Сов. кинотэатр, 1970, 3 ноября

ИСТИННОЕ современное мастерство актера возникает и формируется в сложном процессе совершенствования его художественных, исполнительских навыков и одновременно в процессе утверждения занятой им гражданской позиции.

Мне могли бы, вероятно, возразить, назвав при этом имена актеров прошлого, которые не занимали как будто никакой сколько-нибудь стеснительной позиции и тем не менее были крупными художниками. Я думаю, вопрос этот не нужно упрощать и ставить его следовало бы иначе. Едва ли можно представить себе талантливого актера, проявляющего себя в общественной сфере активно, в творчестве которого эта его общественная активность не отразилась бы самым непосредственным (и притом положительным) образом.

Великого актера Мочалова называли великим воспитателем поколения. В высшей степени почетно, надо полагать, слыть великим актером, но еще почетнее, конечно, заслужить признание великого воспитателя.

Может быть, поэтому так замечательно пробуждение в актере подлинных — не показных, не мнимых — общественных стремлений. Во многих случаях именно этим определяется новый этап творческой биографии. Сыграв Полежаева, человека кристальной гражданской чистоты и могучего общественного порыва, Николай Черкасов родился и как актер. Пользуясь выражением Вл. И. Немировича-Данченко, он стал актером «с большим внутренним содержанием». Актером — общественным деятелем.

Вероятно, тут следует вспомнить, что Черкасов не один раз поднимался на высокие общественные трибуны в обличье своего любимого героя и его голосом произносил слова, рожденные его собственной, черкасовской гражданской позицией.

Это могли бы сделать и многие нынешние актеры, встретившие на своем творческом пути героев, в которых воплотился их общественный, нравственный идеал. Мне кажется, что именно в этом отношении примечательна творческая

жизнь Кирилла Лаврова.

Я с трудом мог бы назвать другого актера, которому посчастливилось так же полно и во всех границах воплотить свою мечту о человеке-современнике, как это удалось Кириллу Лаврову.

Он играл отнюдь не розовых, аккуратно скроенных героев, а людей, ход мыслей которых и их, если можно так выразиться, эмоциональная логика, весь их внутренний склад

стимулом его общественной активности.

Член Ленинградского горкома КПСС, заместитель председателя правления Ленинградской организации Всесоюзного театрального общества, Лавров сегодня уже не мыслит актерского творчества в отрыве от общественной деятельности; в его жизни они стали грани одного и того же избранного им воспитательного поприща.

В р о в е н ь с г е р о е м

были нам особенно понятны и симпатичны, несмотря на всю свою сложность. И в этом внутреннем смысле — я сейчас не говорю о трудностях творческого воплощения — ему, должно быть, было легко и радостно их играть.

Нет никакого сомнения в том, что морской офицер Платонов из «Океана» или Иван Синцов из фильмов, поставленных по романам К. Симонина, или Давыдов из «Поднятой целины» не только стали важными творческими вехами в его актерской жизни, но и помогли ему самому определиться как общественному человеку, развили в нем потребность в общественной активности.

Недавно в статье, опубликованной в «Правде», Лавров назвал наиболее привлекательные для него черты его современников: «Неукоснительная честность с самим собой и окружающими, трезвость мышления, самоотверженная любовь к Родине, верность нашему коммунистическому идеалу».

Нет никакого сомнения, что вера в реальность и глубокую плодотворность именно этих качеств была исходной позицией, с которой К. Лавров подвергал актерскому анализу свои роли; она же стала главным

Иногда мне кажется, что он в равной степени вырабатывает в своих героях и в самом себе ненаигранную и целостную душевную сдержанность, ясность и определенность человеческих симпатий и антипатий, которые так подкупают в его жестковатом и часто прямолинейном на первый взгляд Платонове или в его огрубевшем от трудной жизни, но беззаветно идущем по избранному пути до конца Давыдове. В задумчивой пристальности взгляда, которым актер и его герои смотрят на мир, в той личной душевной отдаче, с которой живут лавровские персонажи в самых сложных общественных ситуациях, угадывается единство художественных вкусов и личных ощущений актера и его взглядов и убеждений.

Разбросанные в печатных выступлениях актера, в его коротких газетных интервью признания подтверждают это. Вот одно из них: «Армия формировала меня не только как человека, но и как актера». В другом месте он замечает: «С Синцовым у меня связано очень много. Я в общем человек его поколения, может быть, немного моложе...».

Для Лаврова жизнь его героев, их поступки, причиняемое ими зло или творимое ими добро должны измеряться той же мерой, какой измеряются поступки реально существующих людей. Недаром актер, снимаясь в роли Синцова, мечтал о том, что кинематографический рассказ о его герое будет продолжен писателем: «Уж очень хороший парень, этот Синцов!».

Была среди ролей, сыгранных Лавровым, еще одна, в которой его данные актера и его личные убеждения, его человеческий облик и его идейные позиции сплелись воедино до такой степени, что стало действительно невозможно отделить друг от друга актера и его героя. Я говорю об исполнении Лавровым роли Ведущего в спектакле «Правду! Ничего, кроме правды!». Здесь даны были ему как бы его собственные слова.

Фигура Ведущего возникает где-то в рядах зрительного зала, возникает так произвольно, так естественно, как может возникнуть только сама истина.

Актеру приходится, наблюдая течение отвратительного судилища, устроенного сенаторами, волноваться, вмешиваться в действие, одним словом, проявлять в открытом виде свой гнев и свою непримиримость. Я не стал бы утверждать, что Лавров делает это хорошо только в собственно актерском смысле. Он делает это так, как свойственно это делать ему, человеку, склонному убеждать людей, спорить с ними или разоблачать их, — не поднимая голоса, целиком и полностью доверяясь самому существу своих доводов. Тут он в самом деле оказался неделимым: отличный актер, человек с высоким чувством общественной ответственности, пылливо вдумывающийся в мир и в судьбы своих современников.

Столь же неделимым, надо полагать, хотел бы Кирилл Лавров оказаться во всей предстоящей ему творческой работе и в общественной деятельности, в каждом новом постижении жизни своего народа и своего поколения.

С. ЦИМБАЛ.

ЛЕНИНГРАД.